

АНДРЕЙ КАРПОВ

**ПАРТИЗАНЫ
ПОСЛЕДНЕГО
ВРЕМЕНИ**

Андрей Карпов
Партизаны последнего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21576052

ISBN 9785448327506

Аннотация

Они – борцы с новым мировым порядком. Или просто играют в подпольщиков? В любом случае, это – игра со смертью. Можно ли принять правила этой игры и всё же сохранить чистыми руки и душу?

Содержание

1. Инна	5
2. Сопровождающие лица	10
3. Тень за спиной	16
4. Разговор на кухне	21
5. Коттедж с партизанами	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Партизаны последнего времени

Андрей Карпов

© Андрей Карпов, 2024

ISBN 978-5-4483-2750-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Инна

Он увидел ее уже в трамвае. Вдруг словно невидимая рука навела фокус, и ее фигурка резко и четко высветилась на фоне толпы. Это было неожиданно. Когда она вошла? По идее, они должны были садиться на одной остановке. Или она прошла часть дороги пешком? Или он как всегда выпал из жизни, слепо таращась в небытие и не замечая, что творится прямо перед глазами?

До метро оставался один перегон. Довольно долгий. И он любовался ею, пользуясь тем, что она не могла этого заметить. Ветер, пролезая в окно, путал прическу. Этот проказник неизвестно откуда принес большую пушинку и прицепил к ее волосам; теперь белая звездочка кокетливо трепетала на черном, и так же трепетали ресницы, отгоняя какую-то навязчивую невеселую мысль. Личико девушки было серьезно, губы сжаты, фигурка напряжена.

«Если внутри у нее есть пружинка, то сейчас она взведена до предела», – подумалось Павлу. Следовало бы подбраться к ней ближе, но трамвай полон, все ждут метро, всем выходить, никто его не пропустит. Это значит – надо толкаться и лезть на скандал. Глупо – к девушке надо подходить не в ореоле скандала, а с букетом цветов.

Трамвай скрежетнул и замер. Пружинка вырвалась на свободу. Девушка выскочила первой. Быстро, но никого не за-

девая, она растворилась в уличном многолюдстве, – так ласточка, стремительно проносясь над дорогой, минуя столбы, провода и устало бредущих людей, исчезает в быстро темнеющем небе деревенского вечера.

Павлу пришлось подождать, пока людской поток вынесет его из трамвая. Еще не коснувшись асфальта, он оглядел улицу – девушки нигде не было видно. Но он знал, что ее цель – метро, и побежал, спотыкаясь о чьи-то ноги. Одну старушку он сильно толкнул в плечо и еле успел подхватить, когда она пошатнулась:

– Извините!

Старушка осуждающе покачала головой, но он уже не видел этого, и только его спина какое-то время еще хранила ее неласковый взгляд.

У турникета Павел на секунду замешкался, скользнул взглядом по кассе. Среди трех человек, составляющих очередь, та, за которой он так спешил, не стояла. Ждать? – Была вероятность того, что она задержалась, покупая что-то в киоске, и он ее не заметил. Или догонять? Это было вернее, и Павел, скормив автомату билет и чуть не забыв выдернуть его обратно, когда тот, пожевав, выплюнул его из верхней щели, ринулся вниз по эскалатору.

И все-таки он ее догнал. Она держалась за поручень и оглядывалась через плечо. Кого она хотела увидеть? Во всяком случае – не его. Павел был уже рядом, а она все также смотрела вверх, и напряженное ожидание не сходило

с ее лица.

– Инна! – Пришлось окликнуть. Голос застоялся, получилось что-то среднее между хрипом и шепотом. Девушка очнулась и улыбнулась ему. Уголки губ дрогнули, но глаза были по-прежнему серьезны и даже печальны.

– Ты меня напугал. – Это было неправдой. – Возник как из ниоткуда.

– Меня зовут Павел.

– Я помню. Иришка знакомила нас в столовой. Ты тогда еще уронил поднос.

Да, такое сложно забыть. Галантный кавалер при встрече с дамой роняет посуду. Он почти не слышал, что она тогда говорила. Кажется, они смеялись. Пришлось собирать осколки. Краска заливала лицо, и кровь стучала в висках, заглушая все звуки. Зато он увидел, какие у нее красивые ноги. Теперь он постарался не покраснеть.

– У тебя в волосах пушинка. – Он вытащил белую звездочку и положил ее на ладонку. Встречный поток воздуха сдунул ее с руки. – Ты куда-то спешишь?

– Меня ждут.

– Можно, я тебя провожу?

– Лучше не надо...

Торопливые шаги замерли за спиной. Павлу пришлось спуститься на несколько ступенек, освобождая левую сторону. Люди спешили вниз. Есть такие, что спешат даже на эскалаторе. Им кажется, что выигрыш в десяток ступеней од-

нажды обернется выигрышем в поезд. Но Павел знал, что это – иллюзия.

Сейчас ему хотелось, чтобы эскалатор двигался как можно медленнее. Или чтобы раздвинулось время. Пусть секунда помедлит, прежде чем отойти в прошлое, пусть ощутит свою глубину. Несколько полновесных секунд, и можно поверить, что жизнь отнюдь не пуста.

К несчастью, спуск подходил к концу. Павел даже не мог стоять к Инне лицом, нужно было смотреть под ноги.

– У меня нет букета, – сказал он то ли себе, то ли Инне.

– Какого букета? – Инна была рядом. Еще несколько шагов по платформе, а потом выяснится, что им – в разные стороны, и придется прощаться.

– Девушкам надо дарить цветы. Тогда им не будет хотеться исчезнуть. Давай поднимемся наверх за букетом?

– Считай, что ты мне его уже подарил. Это – розы?

– Розы. Темные розы, бордовые, как угли в костре, еще сохраняющие силу огня. Или ты любишь белые?

– Пусть будут темные, как выдержанное вино.

– Смотри, не уколи пальчики. У них острые и большие шипы.

Он взял ее руку в свою. Они стояли, прислонившись к колонне, в самом проходе. Подходил поезд, и люди бежали мимо, кто-то больно задел Павла по ногам увесистой сумкой. Он заметил это, как сквозь сон замечаешь, что тебя кто-то окликнул, но не находишь в себе силы проснуться. Инна вы-

свободила руку и прикрыла его глаза ладошкой:

– Закрой глаза.

Он закрыл, и его душа встала на цыпочки.

Потом он почувствовал, как ладошка покинула его лицо, и – ничего больше. Подождав немного, Павел раскрыл глаза. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как поезд сомкнул свои двери. Инна стояла за ними, улыбалась и махала ему рукой.

«Она улыбается, а глаза у нее по-прежнему грустные», – подумал Павел, провожая взглядом поезд в туннель.

2. Сопровождающие лица

Он сидел в кафе и смотрел, как опускается пивная пена в узком и высоком стакане, стоящем на его столе на подносе. Занятие не хуже других. Ждешь, пока опустится пена, и о чем-нибудь думаешь. Выбор темы неограничен. Впрочем, думать необязательно. Можно сидеть просто так и наслаждаться вневременностью своего бытия. Время входит в тебя, проникает тебя насквозь и истекает с каждым лопнувшим пузырьком пены. Ты чувствуешь его ток, но так же пуст, как и мгновенье назад. Оно проходит сквозь, но не задевает тебя. Словно ты – русло, берега этого потока, желоб, по которому время стекает в мир.

Потом, конечно, придется выпить пиво, встать и уйти. Время ревниво, оно не может отпустить тебя слишком надолго. Часовая стрелка столкнет тебя с табурета, и ты будешь опять тонуть в его мутной воде. Да и вредно слишком долго предаваться безделью, – захочется подумать о вечности, а это – опасная мысль.

Павел начал пить пиво маленькими глотками, чтобы понять, стоит оно того или нет. Он еще не решил, есть ли в этом удовольствие или лучше закончить дело разом, как увидел Инну в центре маленькой группы, только что зашедшей в кафе. Инна скользнула взглядом по залу, и Павел приветственно замахал рукой. В группе зашептались, а может быть гово-

рили и в голос, – со своего места Павел не слышал ни слова и лишь наблюдал за энергичной жестикуляцией одного из парней. Наконец, соглашение было достигнуто, компания разделилась – девушки направились к Павлу, а парни остались делать заказ.

– Здравствуй! – Инна смотрела на него своими карими глазами, и в них плясали лукавые огоньки. Она была слишком близко, и у Павла опять перехватило горло, пришлось покашлять, чтобы снова обрести способность производить звуки.

– Это – Юля, – представила она свою спутницу. – А это Павел.

Они церемонно раскланялись, но потом Иннина подружка не выдержала и прыснула. На ее пухлых щечках заиграли симпатичные ямочки. Смех был теплым и совсем не обидным. «Пусть дружат», – смилоствовался Павел. Он получал удовольствие, тайно примеряя к себе права личного цензора. Эта власть, которой вверяется женщина, позволяя мужчине определять ее окружение и жизнь, что может быть слаще? – Ведь это знак, что отныне ты становишься центром ее вселенной. Когда-нибудь так и будет, но пока они только в начале пути.

– Надеюсь, сегодня ты не слишком спешишь?

Вопрос запоздал. Два грузеных подноса опустились на стол, и кавалеров стало заметно больше. Церемония знакомства возобновилась.

– Это Толик.

– Анатолий, – мгновенно отреагировал Толик. Это был высокий худощавый субъект в очках с изящной оправой, при галстуке и костюме. Рыбий холодный взгляд, казалось, не выражал ничего, а может, так преломляли свет очки, надежно защищая от любой попытки заглянуть ему в душу.

– Юрик.

Рыжеватый детина, похоже, был не против подобного именования. Он закатал рукав рубахи так, что обнажилось плечо, и согнул руку в локте:

– Это ты видел?

Взбугрившиеся мышцы произвели на Павла серьезное впечатление. Вздумай он последовать примеру Юрика, результат был бы довольно жалким. Внутри что-то ёкнуло, но пусть это что-то так и остается внутри. Показывать слабинку было нельзя.

– И что это значит?

– Это значит, что ты слишком близко подошел к Инне. Слишком близко и слишком быстро – всего за пару недель. – Юрик не спеша вернул рукав в исходное положение. Движения были мягкими, почти кошачьими, в высшей степени исполненные собственного достоинства, – так знаменитый профессор укладывает в портфель демонстрационные образцы и прочую чепуху после особенно удавшейся лекции.

– Мы хотим знать, кто ты такой, – встрял Анатолий.

– Я же Вам говорила. – Инна заметно волновалась. – Его

зовут Павел, мы вместе учимся.

– Ага, вроде как вместе. Только познакомились всего две недели назад, – Анатолий победно сверкнул очками.

– Ну, не совсем вместе, – факультеты у нас разные.

– А ты сама о нем много знаешь?

– А что я должна знать?

– Ну, хотя бы из какой он семьи, кто его родители, на какие деньги живет.

– Вопросы слышал? – вполголоса спросил Юрик, нависая над их частью стола. Он смотрел на Павла исподлобья, не мигая, и взгляд его был тяжел.

Павел допил пиво и поставил пустой стакан прямо под носом у Юрика.

– Не знаю, с чего бы мне вздумалось на них отвечать...

– А ты отвечай, не думая, – более правдиво получится. Ну?

– Не нукай – не запряг.

– Дурак! – беззлобно заметил Юрик и откинулся на спинку стула. Над столом сразу стало просторно. – Я же для Инки стараюсь. Ты хочешь с ней встречаться или нет?

Подала голосок и Юлька:

– Представь себе, что ты это всё Инне рассказываешь. А мы при этом оказались случайно.

Павел взглянул на Инну. Она-то чего ждет от него? Что он полезет в драку? Или что примет предложенную ему почетную капитуляцию?

Наклонив голову, Инна размазывала по столу трубочкой от коктейля какую-то лужицу. Юлька оказалась настырной:

– Инна, тебе-то самой это интересно или нет?

– Да-да, – Павел удивился – у нее оказался взгляд затравленного зверька. Неужели она так за него переживает? – Павел, пожалуйста, ответь им – это действительно нужно. Они – хорошие ребята и не хотят тебе зла.

– А ты сама что хочешь услышать?

– О родителях, – подсказала Юлька, и Инна быстро-быстро кивнула, как бы подтверждая свое авторство на этот вопрос.

– Отец – менеджер в торговой фирме. Мама – архитектор. На жизнь хватает.

– Сидишь на родительской шее? – Анатолию, пожалуй, следовало дать в морду. Или как там – съездить по очкам, в его случае это звучит более правильно. Но, раз ответив, незачем лезть в бутылку.

– Когда мне нужны личные деньги, – Павел интонационно подчеркнул слово «личные», – я подрабатываю. Например, пишу тексты для одного из рекламных агентств.

– Дай сюда руку. – Павел повиновался команде, даже не осознавая, что он делает. Юрий поиграл пальцами на его запястье, нащупал пульс и снова скомандовал:

– Смотри мне в глаза. Кто такой Ротшильд?

– Довольно богатый мужчина.

– Как ты относишься к ФСБ?

– Там работают профессионалы, вам не чета.

Юрик отпустил руку.

– И? – поинтересовался Анатолий.

– Кто его знает... Надо его Масенке показать. У того нюх – он их нутром чувствует, что ли...

Юлька отодвинула стул и вылезла из-за стола:

– Вы как хотите, а я иду домой. Впрочем, хотелось бы рассчитывать на провожатых.

– Ладно, пойдем. – Юрик стукнул Павла в плечо: – Прощевай, брат. Еще увидимся.

Чуть помедлив, поднялся и Анатолий:

– Инна, ты остаешься?

– Я сегодня не сильно спешу. – У нее в глазах снова зажглись лукавые огоньки. И Павел почувствовал свое сердце. Оказывается, последние полчаса оно только и делало, что замирало, а теперь застучало часто-часто, и грудь затопило теплом.

3. Тень за спиной

Они шли улицей, прямой и длинной – милое сочетание. Она легла им под ноги инкарнацией маленькой бесконечности – бесконечности на двоих. Никаких поворотов, никаких посторонних событий, никакой внешней среды. Если не считать фонарей. Но разве фонари горят не для них? Город заботливо осветил их пространство, чтобы они могли любоваться друг другом.

Но Павел не мог раствориться в этой идиллии. Его снедал вопрос. Какое-то время он пытался загнать его в небытие – обозвать ерундой и выкинуть из головы, но потом сдался и выпалил:

– Ты, наверное, считаешь меня слабаком. Мне следовало подраться с ними. И уж во всяком случае – не отвечать. Теперь ты будешь меня презирать – долго-долго.

– Глупый. Ведь это я привела их. Им надо было задать свои дурацкие вопросы. Я знала, что они зададут их, и этим будут мучить тебя. Так что причина твоего унижения – я, только, надеюсь, презирать меня ты не будешь. А не ответить ты не мог. Не ответив им, ты терял меня. Они так сказали, и это почти так и было.

– Почему?

– Когда-нибудь я тебе расскажу всё.

– Когда-нибудь?

– Не сейчас. Не спеши. Я верю: у нас впереди – долгая жизнь. Я буду открываться тебе по кусочку. Оставь мне загадку. Тайна украшает женщину, делает ее притягательной и желанной как ничто другое.

– Но эта твоя тайна связана со мной...

– А разве бы ты не хотел, чтобы с тобой в моей жизни было связано всё?

– Кто такой Масенка?

– Тебе надо было спросить это у Юрика. С девушками не говорят о посторонних мужчинах. С девушками говорят о любви.

Закапал дождик. Какое-то время они мокли, потом Павел спохватился и достал зонтик. Зонтик был небольшим, и им пришлось прижаться друг к другу, чтобы не подставлять плеч холодной ласке дождя. Ее глаза маленьким созвездием светились совсем близко, и Павлу хотелось распахнуть себя широко-широко, чтобы не потерять и капли этого света.

– Инна... – Он пробовал – словно дегустировал вкус – как это звучит именно сейчас, когда он чувствует теплоту ее тела и ее рука лежит на его предплечье. – Волшебное имя. Что оно значит? Я даже в святцах смотрел. А там нет такого...

– Есть. Просто ты искал среди женских имен, а оно – мужское.

– ?

– Ну кто сейчас назовет мальчика Инной? Это еще забавнее, чем Хризостом. Инна, Анна, – если имя оканчивается

на «а», оно должно быть женским. В конце концов. Красивой женщине всё к лицу, даже мужское имя. Женские святцы коротки, а дней в году много. Если на нужную дату женского имени не находилось, благословлялось брать в небесные покровители и мужчин. Но мне это не нравится, словно носишь чужую одежду.

– Тебе не нравится твое имя?

– Дело не в имени, а в объяснении. Есть другое, и мне оно ближе. Согласись, ведь приятнее считать, что Инна – все-таки женское, древнее славянское имя. И его значение как раз мне подходит.

– Какое же у него значение?

– Бурный поток.

Она заглянула ему в глаза, и он ощутил силу этого потока. Сбивало с ног и влекло, почти неудержимо. А что там, за поворотом – тихая заводь или, может быть, водопад?

– Значит, красивая девушка всё же предпочитает одеваться у своего портного, одежда с чужого плеча ее портит?

– Ну, я же не красавица. Мне нужно, чтобы имя украшало меня, а не я – имя.

Ждала ли она опровержения? Наверное. Пока он искал слова, повисла пауза. Какое-то время Инна смотрела на него, потом отвернулась.

Они остановились у большой темной витрины. Улица потеряла свою прямогу. Основная магистраль, изгибаясь, уходила налево, вправо вел переулок – узкий и темный. Они

стояли на развилке; казалось, вся их дальнейшая жизнь зависит от того, чем разрешится это стояние – пойдут ли они в какую-нибудь сторону – в какую? Развернутся назад? Или вообще – Инна достанет свой зонт, – Павел не сомневался, что он у нее есть, – скажет «Пока, не провожай меня!», и они разойдутся по разным дорогам, чтобы никогда не встречаться.

Он почувствовал, что ее рука все сильнее сжимает его плечо. Она разглядывала витрину; вернее, что-то увидела там, и теперь не могла оторвать взгляда.

– Не оборачивайся. Он тоже остановился.

– Кто? Где?

– Не оборачивайся. За нами шел человек. Я заметила движение, как только оно оборвалось. Мы двигались, и наши отражения двигались. Мы замерли – и его отражение тоже. Видишь газетный киоск? Рядом мужчина под зонтиком. Я же сказала, не оглядывайся!

– Он вообще смотрит в другую сторону! Ждет кого-нибудь...

– Теперь он знает, что мы его засекали. Бежим!

Инна дернула Павла за руку, увлекая его в тень переулка.

Они бежали, взявшись за руки, – два силуэта на черном фоне пустых дворов. Зонт пришлось бросить – складывать его не было времени. А кто же бежит с раскрытым зонтом? Иногда их обдавало каскадом брызг, это значило, что они попали в очередную лужу.

Инна свернула налево, они проскочили арку и оказались на широкой улице, прямо у автобусной остановки. Сверкающий огнями автобус, словно инопланетное существо, взявшееся ниоткуда, ждал их, любезно распахнув двери.

Павел пропустил Инну к окну и сел рядом. Они уже немного отдышались и могли говорить.

– Ты слышал, он бежал за нами? – Это был всё же скорее вопрос, чем утверждение.

– Нет. Не слышал. – Что он мог расслышать за шумом учащенного дыхания и грохотом сердца?

– Я у них на крючке. Они наверняка знают, где я живу. Домой мне нельзя. Ты случайно не знаешь местечка, где можно было бы затаиться хотя бы на эту ночь?

– Хочешь, поедem ко мне?

Возможно, она этого и хотела.

4. Разговор на кухне

– Мама, наверное, уже заснула.

– Мы постараемся не шуметь.

В прихожей горел заботливо оставленный свет.

– Проходи на кухню. А хочешь – в ванну?

– Мне даже не во что переодеться.

– Я дам тебе свой халат – большой и махровый.

Спустя пятнадцать минут они сидели на кухне. Инна куталась в халат и по-кошачьи щурила глазки, – ей было тепло и уютно. На столе под шутовским колпаком распаривалась заварка. Тишина ночного двора пролезала в форточку и потихоньку заполняла квартиру. Было слышно лишь как тикают старенькие часы на серванте.

Инна потянулась, сцепив ладошками вверх высоко поднятые руки, и широко раскрыла глаза.

– Большая кухня. У тебя есть раскладушка? Ее можно как раз здесь поставить, и я никому не буду мешать. Часиков в шесть я уже исчезну.

– Тебе не кажется, что ты должна мне что-нибудь объяснить?

– Пожалуй. Вот только что? Ты уверен, что тебе надо так глубоко влезать в мою жизнь, – вдруг обратно не сможешь вылезти?

– А я не хочу обратно.

– Тащи раскладушку, а я пока попытаюсь подобрать правильные слова.

Он принес раскладную кровать. Загнав табуретки под стол, ему удалось разместить этого мастодонта так, что еще оставался проход к плите. Инна с восторгом смотрела, как стелится простыня, расправляется одеяло. Потом она сказала: «Отвернись!». Павел послушался.

– Теперь бы поспать!.. – Последовал откровенный зевок. Павел повернулся обратно. По шейку спрятавшись под одеяло и положив голову на подушку, Инна смотрела на него каким-то особенно жалобным взглядом. Павел присел на край кровати.

– Хочешь чайку?

– А может, лучше выключить свет?

– Тогда я налью кипяток мимо кружки.

– А разве тебе не хочется спать?

– У нас был договор: я тебе создаю спальное место, ты мне рассказываешь свою историю.

– Ладно, давай чаю...

Инна уселась, тщательно замотавшись в одеяло, чтобы не светить голым телом. Выпростав из-под одеяла руки навстречу кружке, она аккуратно взяла ее и заглянула внутрь, словно ожидая увидеть на дне подсказку.

Павел сидел рядом, размешивал сахар, стараясь поменьше звенеть, и чувствуя себя одновременно и хорошо, и плохо. Он был счастлив от такого соседства, но его терзала необ-

ходимость выявить причину происходящих событий. Пока объяснения не прозвучало, доверять счастью было нельзя.

– Видишь ли, – наконец произнесла Инна, – я – партизанка.

– Ага. А у меня здесь – подполье.

– Не смейся. Думаешь, мне доставляет удовольствие ночевать неизвестно где, а не у себя дома.

– Неизвестно где, думаю, – нет, а у меня – да.

Инна бросила на него быстрый взгляд.

– Я не понимаю, ты хочешь что-нибудь услышать или нет?

– Рассказывай-рассказывай, я умолкаю.

Инна сделала несколько глотков. Она стала серьезной и сосредоточенной, и только тут Павел заметил, что она порядком измотана. Не стоило ее сейчас мучить, но разговор уже сдвинулся с мертвой точки, а подвернется ли когда удобный случай к нему вернуться, кто знает?..

– Ну, не партизанка, – Инна поставила кружку на стол и запахнула сползшее с плеча одеяло. Павел на мгновение увидел округлость ее груди и поспешил отвести взгляд.

– У нас есть организация. Даже не организация, а группа без четкого лидерства. Возможно, когда-нибудь мы действительно станем организацией или партией. Сейчас для этого у нас не хватает людей. Мы ненавидим новый мировой порядок, когда горстка толстосумов диктует правила всему миру. Они создали систему отношений, в которой деньги решают всё, а это – их деньги. Мир куплен с потрохами,

и только немногие осознают это. Наша задача постараться открыть людям глаза. Власти транснационального капитала надо противостоять, ибо она бесчеловечна. Сердце тех, кто стоит у руля, отдано жажде наживы, прочие чувства давно изжиты. И в этом их слабость. Самоотверженное единодушие и труд многих людей, способных довольствоваться малым и не поклонившихся золотому тельцу, могут взорвать эту систему.

– И потому ты так упорно уклонялась от этого разговора? Вижу противоречие: вам нужно как можно больше союзников, и в то же время вы шарахаетесь от каждого встречного.

– Чудак. Это опасно. О нас уже знают. У них всё схвачено, на них работают все разведки мира. Они, конечно, хотели бы подсунуть нам шпиона, который будет докладывать о каждом нашем шаге и в конце концов попробует разложить организацию изнутри.

– И ты считала меня шпионом...

– Я – нет. И ты знаешь – почему. Но вот другие...

– Юрик?

– Они с Толиком лишь представители, так сказать – полномочные делегаты. Они должны были на тебя посмотреть, раз ты появился рядом со мною. Кстати, к определенному выводу они так и не пришли.

– То есть я всё же могу оказаться шпионом?

– С их точки зрения – да.

– И как же быть?

– Мы поедem к Масенке.

– Кто это такой?

– Поедешь – узнаешь. Ты ведь поедешь? Я рада, что мы будем вместе. По настоящему, нельзя смотреть в разные стороны и делать вид, что мы любим друг друга.

Она, кажется, сказала больше, чем хотела сказать, и снова взялась за кружку, словно спеша ею отгородиться от только что прозвучавших слов. Чай остыл, и пить его было невкусно. И все-таки она сделала несколько ленивых глотков, прежде чем Павел высвободил кружку из ее пальцев. Лишившись опоры, ее пальчики сжались в кулачок, – так улитка прячется в домик, когда ее снимаешь с листа. С нежной силой Павел расцепил кулачок и сплел ее пальцы с своими.

Инна поглядела ему в лицо насторожено и напряженно:

– Мы ведь еще не говорили с тобой о любви?

Павел кивнул.

– Давай исправим это прямо сейчас. Любимая... – Он все-таки сказал это, и сам задохнулся от навалившегося на него смысла прозвучавшего слова.

– Нет-нет, прошу тебя, не надо, только не сейчас, – Инна отчаянно затрясла головой.

– Почему?

– Пашенька, пойми меня правильно. Дело не в том, что я не верю тебе, – я тебе верю. Но какой мужчина при таких обстоятельствах не стал бы клясться в любви? Ночь, по-

луобнаженная симпатичная девушка рядом, так сказать тет-а-тет, романтические приключения, предшествовавшие ночи, – тут всякий почувствует себя влюбленным. Ты, конечно, не всякий, но давай оставим слова для более холодной обстановки, тогда они обретут свою настоящую цену.

Павел сделал неопределенный жест, не зная, следует ли ему обижаться.

– Не пора ли уже выключить свет? – спросила она.

Он подчинился и, выйдя к выключателю в коридор, услышал, как за ним закрылась дверь в кухню.

«А ты чего ожидал?» – спросил он себя. По ту сторону стекла кухонной двери маячила фигурка Инны. Сползшее с плеч одеяло ей удалось перехватить в районе груди. Она улыбалась.

– Спокойной ночи! – сказала она. – Не обижайся. Просто я очень хочу спать, правда-правда.

Он кивнул и побрел к себе в комнату.

5. Коттедж с партизанами

От станции они шли пешком – порядочный путь проселком. Павел так и не разобрал – почему: то ли из конспирации, то ли просто автобусы не ходили. Во всяком случае, был повод обрадоваться, когда за очередным поворотом возник бетонный забор, окружающий «их» коттеджный поселок.

Нужный им дом оказался фешенебельным особняком чуть ли не в три этажа. Калитка была открыта, а на крыльце рядом со звонком был приклеен аккуратный листочек с уже выцветшей надписью: «К Масенке – 3 раза».

«Как в коммунальной квартире», – подумалось Павлу.

Инна три раза нажала кнопку звонка. Дверь открыл Юрик.

– А, это вы, – приветливо пробасил он. – Проходите.

В прихожей он сунул лапищу сначала Инне, потом Павлу. Павел поймал себя на том, что ждет подвоха, а зря – рукопожатие было сильным, но дружеским.

– Чай на столе в гостиной, Масенка наверху в кабинете. – Сообщил Юрик. – Вы как? Сначала Масенка, а потом чай? Или сначала чай, а потом Масенка?

Инна с Павлом переглянулись.

– Нельзя ли чай заменить на обед? Тогда нам подойдет любой порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.